

ОБЪЕДУ

юбилей

“Все, что свойственно женщине, свойственно и артисту”

Валерий Гаркалин — Газете

Валерий Гаркалин: «Когда я в молодости узнавал известного артиста, я готов был сквозь землю провалиться» Фотограф: Максим Коняев/Газета

Известному актеру театра и кино Валерию Гаркалину исполнилось 50 лет. Он уже сыграл множество самых разных ролей — от Гамлета до Шниперсона, от Петруччо до Мастера. О перипетиях своей актерской судьбы Валерий Гаркалин рассказал корреспонденту Газеты Марии Терещенко.

Валерий Борисович, с чего началась ваша актерская судьба? Как возникло желание стать актером?

Мне кажется, что нет точного ответа на вопрос, который вы задаете. Поскольку ни один из ныне здравствующих артистов не сможет, наверное, назвать вам точный день, когда это желание озарило светлую голову ребенка или подростка и когда он принял решение заняться этой неблагодарной профессией. Я мог бы вам так ответить: я стал очень часто замечать, что со мной происходит странное раздвоение. Ты ощущаешь это раздвоение, когда разговариваешь с каким-нибудь человеком: с таксистом, проводником в поезде или с человеком, занимающимся научной работой. Так вот, когда начинаешь с ним разговаривать, невольно понимаешь, что ты вступаешь с ним в диалог не как Валера Гаркалин, а как другой шофер такси, как другой проводник. Ты начинаешь поддерживать разговор в той манере, в той стилистике, в какой необходимо твоему собеседнику. Это не лицемерие, а просто некий другой способ существования, мимикрия. Вот, например, я еду с неким профессором в одном купе в поезде, и мы ведем с ним очень серьезную философскую беседу. И я ловлю себя на том, что начинаю делать глубокомысленные паузы, прежде чем ответить, я задумываюсь, что мне обычно совершенно не свойствен-

но — как правило, я сразу бросаюсь в разговор, начинаю неадекватно реагировать, одним словом, веду себя спонтанно. Так вот, если человек себя ловит на такой странной манере подстраиваться под собеседника, то, наверное, он актер по призванию.

А каким образом это влечение превратилось в осознанное желание выбрать актерскую профессию?

Само желание родилось задолго до меня. Мне кажется, что актерская профессия сама выбирает человека. Я поступал в театральный, очень хотел поступить, мечтал об этом, меня не брали. Повторял свои попытки в течение долгих лет. Когда не поступил после школы, пришлось идти работать на завод слесарем полупроводниковых приборов — это, кстати, такая чудовищная работа... Потом мне пришлось идти служить в армию, на китайскую границу: тогда наши две державы серьезно соперничали. Потом я поступил-таки на кукольный факультет, уже не помышляя, что я мог бы стать артистом драматического театра, а уж тем более сделать карьеру киноартиста. То есть профессия все время меня отфутболивала. Я-то хотел, а она все время ко мне затылком поворачивалась. И вот однажды она повернулась ко мне лицом — и это лицо очень красивой, элегантной женщины.

В чем выражался этот «поворот лицом»?

Ну, я перешел в театр Образцова, после того как проработал семь лет в ансамбле «Люди и куклы» — очень известный в пору застоя ансамбль; он был организован на базе нашего актерского курса. И вот я перешел работать в театр Образцова, а через три года, заканчивая в ГИТИСе режиссерско-актерский курс Шалевича (тот факультет, на котором я сейчас преподаю), я должен был сделать дипломную работу, во время подготовки которой познакомился с Мишей Зонненштралем, ныне уже погибшим, замечательным артистом и режиссером и моим впоследствии близким другом. Мы с ним совместно работали, и нашу работу увидел Плучек. Он пригласил меня в труппу, и я пришел работать в Театр Сатиры. И уже став артистом этого театра, я получил приглашение от Сергея Бодрова сняться в картине «Катала».

Вы чувствуете разницу между работой в театре и работой в кино?

Я думаю, что разницы не должно быть. Может, она для кого-то и есть, потому что кому-то на сценических площадках существовать удобнее, чем на съемочных. Для меня большой разницы нет. Я думаю, и там и там нужно быть убедительным. А уж каким способом ты добиваешься этого, вопрос индивидуальный, здесь у всех и все по-разному, как я успел за пятьдесят лет заметить.

А как получилось, что вы начали играть в театре «Человек»?

Это было замечательное время. В ту пору театр «Человек» процветал. Он работал над драматургами «новой волны». Над абсурдистскими авторами, которые творили абсолютно вразрез с нашим методом социалистического реализма и успешно его дискредитировали. И Людмила Рошкован, замечательный человек, сильно повлиявший на мою жизнь и с точки зрения человеческой, и с точки зрения профессиональной, предложила мне работать над спектаклем по пьесе Мрожека «Стриптиз», который я по сей день играю, вот уже около тринадцати лет.

Вы пробовали себя в режиссуре?

Я пробовал вместе с Мишей Зонненштралем ставить в Театре Сатиры пьесу Мрожека «Контракт». Я думаю, что когда-нибудь я окажусь по ту сторону рампы — я просто вынужден буду туда уйти. Бывает всякое в этой профессии, и мне могут однажды сказать, что мне в ней больше нет места, надо уступить молодым. Тогда-то я, может, и займусь всерьез режиссурой. Пока еще меня никто не теснит, и я работаю актером. Здесь очень много работы: непаханое поле, целинные земли. И хочется все успеть, именно по эту сторону рампы сделать.

Вы говорили, что считаете славу, любовь публики важной составляющей профессии. И признались, что вам эта составляющая очень нравится...

Здесь я не хотел бы лукавить. Я знаю, что многие пытаются скрыть от собеседника главное намерение артиста — желание нравиться. Но в этом желании кроется правда о профессии, несмотря на то что она не всем по душе. Это правда — ее можно любить или не любить, но это не перестает быть правдой. И не случайно Анатолий Васильевич Эфрос, один из величайших режиссеров, говорил, что если разделить человечество пополам, то в женскую половину попадут актеры. Все, что свойственно женщине, свойственно и артисту. Это совсем не оскорбительно, это определяет суть профессии. Женщина должна нравиться, должна быть любима, непредсказуема. И если этого нет в артисте, то ты не артист, а ремесленник какой-то.

Но, наверняка, моментами чрезмерная популярность становится обременительной. И, возможно, возникают не самые приятные ситуации...

Я помню, как однажды ехал в метро и мне нужно было долго ехать, не одну-две станции, а действительно долго. И я боялся, что меня кто-нибудь увидит и узнает. И, конечно, такой человек не заставил себя ждать. А я носил тогда закрытую фуражку с козырьком, поднимал воротник, в общем, максимально прятал лицо. И вот парень какой-то меня узнал. Но, в отличие от других, кто узнает и сразу подходит здороваться, пожимать руку, хлопать по плечу, он вел себя скромно. Видно было безумное его желание подойти и что-то сказать, но и хочется, и колется, в общем, борьба в нем была очевидна. Он долго не мог ни на что решиться. Мне это надоело, и я подошел к двери, делая вид, что собираюсь выходить. Он тоже встал у дверей. И вот когда поезд приближается к станции, парень разворачивается ко мне, хлопает меня по моему козырьку со словами «Не скроешься!» и выбегает на станцию, чтобы не поймали.

Вот вы сам себе противоречите: с одной стороны, вам нравится признание, а с другой — фуражка с козырьком, поднятый воротник. Зачем маскировка, если признание публики доставляет вам удовольствие?

Дело не в том, нравится мне признание или нет нравится. Вы ведь сами понимаете, что среди тех, кто тебя узнает, не все хорошо воспитаны. Когда я в молодости узнавал какого-то известного артиста, я готов был сквозь землю провалиться. Мне казалось, что если я навязчиво усталюсь на него, то ему будет неприятно. И я старался скрыть свое волнение, не видеть, не смотреть, отворачиваться, сделать вид, что я его не замечаю. Сейчас время изменилось. И если человек тебя узнает, он первым делом пытается с тобой сфотографироваться. А с какой стати я должен быть помещен в чей-то семейный альбом — я с этим человеком не знаком и, возможно, никогда его больше не увижу. Так почему я должен красоваться в его альбоме? Я понятия этого не могу. Я даже однажды задал вопрос человеку, который очень настойчиво просил меня с ним сфотографироваться. Я говорю: «Подумайте сами, мы же с вами не знакомы совсем...» — «Почему?» — говорит он. — «Я вас знаю». — «Но я же вас не знаю». А он даже не понял толком, о чем я говорю. Не воспитывать же каждого, кто к тебе пристаёт! Это ерунда, конечно. Но осложняет иногда жизнь. Вот в Новый год мы с Катей не могли нормально погулять по улице, потому что сразу же началось братание, настойчивые предложения выпить вместе. И мы вместо того, чтобы, пройдя по Тверской, получить удовольствие от новогодней ночи, бегом вернулись домой и, сев за стол, принялись грустно смотреть телевизор.

Вы говорите о своей актерской работе с большой любовью. Есть ли что-то тяжелое, трудное или неприятное для вас в профессии?

Мне действительно все нравится, но это не значит, что работа легкая. Это разные, не связанные друг с другом вещи. В этой профессии все чрезвычайно нелегко. Я, к сожалению, не могу похвастаться стремительностью постижения другого характера, другой судьбы, других взглядов. Наоборот, для меня этот процесс очень мучителен, и он иногда бесконечно затягивается. Я помню, как очень давно, когда я учился в ГИТИСе, мне что-то не удавалось на репетициях Леонида Абрамовича Хаита, моего первого учителя в этой профессии. Я как-то некрасиво себя вел, швырялся предметами, кричал, что не смогу сделать того, что требуется, что мне трудно, очень трудно. Тогда Леонид Абрамович попросил всех студентов выйти из аудитории и оставить нас вдвоем. И потом, глядя мне прямо в глаза, он сказал: «Валер, поэтому так мало хороших артистов, потому что очень трудно. Если б было легко, то хороших актеров было бы много». Это было мне в таком интимном тоне сказано, что я на всю жизнь запомнил эти слова и не раз убеждался в их справедливости. Так я учу и своих студентов. Когда у них что-то не получается, я привожу слова Леонида Абрамовича: «Потому что очень трудно. Кто сказал, что будет легко?»

Насколько сильно ваше актерство выписывается за пределы театра? Если актер — это человек, который каждый раз меняет поведку, общаясь с другим человеком, то вся жизнь превращается в театр?

Мне очень повезло в личной жизни. Я живу много лет с прекрасной женщиной Катей, которую я безумно люблю и сейчас у меня уже взрослая дочь Ника. И они обе не артистки. Они очень хорошие и замечательные люди, не та женская половина человечества, о которой говорил Эфрос, а именно прекрасные люди. Они как раз ничего не играют, не изображают, не вступают в мимикрию. Остаются самими собою даже в самые острые моменты жизни. И это прекрасно. Когда я попадаю в эту свою домашнюю среду, там-то я и питаюсь правдой, реальным ощущением того, кто я, с кем я, что я, зачем и во имя чего. А как только я выхожу за пределы дома, то начинается мимикрия. Так что я живу на два лагеря.

газета

Хлестаков, Пилат, Гамлет

Валерий Гаркалин окончил кукольный факультет Леонида Хаитова, впоследствии — режиссерский факультет ГИТИСа. С 1988 по 2001 год — в Театре Сатиры. С 1991-го играет в спектаклях театра-студии «Человек», участвует в антрепризах. Самые известные театральные роли Гаркалина: Хлестаков («Ревизор», Театр Сатиры), Петруччо («Укрощение строптивой», Театр Сатиры), Понтий Пилат и Мастер («Шизофрения, как и было сказано», режиссер Михаил Зонненштраль), Господин № 2 («Стриптиз», театр-студия «Человек»), Гамлет («Гамлет», режиссер Дмитрий Крымов). Снимался в фильмах «Катала», «ДДД», «Бедная Саша», «Женщин обижать не рекомендуется», «Ширли-мырли», «Белые одежды». В 1995-м получил приз фестиваля «Киношок» за главную роль в фильме «Ширли-мырли».